

**МОСКОВСКИЕ
УЛИЦЫ
СЕКРЕТЫ
ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ**

Владимир Муравьев

**Московские улицы.
Секреты переименований**

«Алисторус»

2013

УДК 94(470-25)(031)
ББК 63.3(2-2Москва)я2

Муравьев В. Б.

Московские улицы. Секреты переименований / В. Б. Муравьев —
«Алисторус», 2013

Известный краевед, председатель Комиссии «Старая Москва», автор многих книг о столице России Владимир Брониславович Муравьев в своей новой книге проводит читателей по знакомым и вместе с тем незнакомым улицам, переулкам и площадям, названия которых не раз менял бурный минувший век. Как и почему давались им изначальные имена, с чем были связаны переименования? Великолепно владеющий огромным историческим и фактическим материалом, он воссоздает историю и былую жизнь Первопрестольной через ее топонимы. В каждом дореволюционном по происхождению московском топониме, утверждает автор, обязательно содержится указание на какую-то приметную деталь, особенность местности, ее своеобразие. Написанная увлекательно, со знанием дела, эта книга станет бесценным подарком, как для самих москвичей, так и для гостей столицы.

УДК 94(470-25)(031)
ББК 63.3(2-2Москва)я2

© Муравьев В. Б., 2013
© Алисторус, 2013

Содержание

Что такое московские названия	5
«Как много в этом звуке...»	5
Переименование	7
Странички из истории московских названий	9
Революционные переименования	20
Укroщение стихии	23
Новое использование уличных названий	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Муравьев

Московские улицы.

Секреты переименований

Что такое московские названия

«Как много в этом звуке...»

Принятый в языкознании термин «топоним» в переводе с греческого языка означает «имя места». Наука, изучающая топонимы, то есть названия географических местностей, называется топонимикой. То же слово «топонимика» употребляется для обозначения всей совокупности географических названий на какой-либо определенной территории. Московская топонимика – это названия улиц, переулков, площадей, набережных, районов и других городских мест, которым москвичи посчитали нужным дать особые имена-названия на территории своего города.

Название местности дается для того, чтобы выделить, отличить ее от других окружающих мест и тем самым дать возможность вместо долгих и сложных объяснений одним названием указать, о чем идет речь.

Но с течением времени название местности становится не только условным, вспомогательным средством для ориентации. Великолепно об этом сказал Александр Сергеевич Пушкин:

Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Символом и знаменем предстают московские названия и в современной песне:

...За нами Россия, Москва и Арбат!

Одни топонимы имеют всеобщую известность, а другие – например, название какого-нибудь переулка или тупичка – знают только их жители. Но на звук каждого названия чье-то сердце обязательно отзовется тем заветным и прекрасным волнением, которое называется

любовью к родине. Оттого-то так дороги людям слова, которые наука называет научным термином: топонимы.

Эта книга рассказывает об одном из самых драматичных эпизодов в истории московской топонимики – о происходившем в 1918— 1980-е годы преследовании и насильственном искоренении сложившихся в течение столетий названий московских улиц и о трудном пути возвращения этих названий на карту Москвы и в историческую память народа.

Переименование

У Гомера в «Одиссее» есть замечательные строки об имени:

Между живущих людей безымянным никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый, и низкий и знатный,
Имя свое от родителей в сладостный дар получает...

Имя – сладостный дар, потому что оно, по верованиям древних (и по мнению современных ученых-астрологов), влияет на судьбу человека. Имя, как и сам человек, уязвимо для враждебных действий, поэтому искажение, забвение его наносит обиду и ущерб его носителю. Каждому из нас известно неприятное ощущение, когда слышишь свое имя переименованным или искаженным.

Имя всегда воспринималось как нечто необходимое для того, чтобы человек мог называться человеком. Русская пословица утверждает: «С именем – Иван, без имени – болван». Другая пословица говорит о том, как дорого человеку его имя: «Хорошо там и тут, где по имени зовут». Насильственная перемена имени воспринимается как крайняя беда: «Под чужой потолок подведут, так и другое имя дадут».

Личное имя, название племени, национальности, затем – название поселения, государства – все это символы духовной стороны жизни человека, вернее даже сказать, не символы, а сконцентрированная в слове духовная основа жизни – она включает и воплощает философию ее смысла и цели, принципы нравственности, этику, религию, место среди других человеческих сообществ, право на свое место на земле. Поэтому имя и название отнюдь не «звук пустой», недаром через века донесла летопись до нас слова князя Святослава, сказанные им дружине перед смертным боем: «Да не посрамят Земли Русския, но ляжем костями тут...», и сколько раз эти слова повторялись, и сколько еще будут повторяться... И пока человек будет чтить имена и названия, а значит, и то, что за ними стоит, он останется человеком, небрежение к ним и забвение их – это уже распад личности, вне их человек уже не человек. Правда народной мудрости бывает жестока, как и пословица: «Корова без клички – мясо».

В России к названию своего места обитания, то есть к топониму, всегда относились с уважением и любовью; летописи, сообщая об основании городка или крепости, приводят их названия и часто объясняют их смысл, также в летописях упомянуто множество названий сел; жители берегли название родного селения, и если приходилось переселяться на новые места, ставить новую деревню, то ее называли обычно тем же именем: так, например, название подмосковной Ахтырки, возле Абрамцева, принесли с собой в XVIII веке крестьяне – переселенцы из харьковской Ахтырки; такого же происхождения и многие одноименные селения в разных концах нашей страны. С уважением относилась к топонимам и власть. Переименование было чрезвычайно редким явлением, оно воспринималось и было в действительности исключительной формой наказания, кары, унижения.

В истории России широко известен один факт топонимической казни: Екатерина II именным указом от 15 января 1775 года за то, что на реке Яик началось восстание Пугачева, повелела отнять у реки и Яицкого городка их названия и именовать впредь реку Уралом, а город – Уральском. Так же единичны дореволюционные переименования московских улиц.

В 1658 году царь Алексей Михайлович «указал писать» Чертольскую улицу Пречистенской. Тут гнев царя был направлен против самого врага рода человеческого. Издревле возле нынешней станции метро «Кропоткинская» был глубокий овраг, прозванный Черторый: как говорили в народе, его «черт рыл». По оврагу Черторыем назывался текущий по нему ручей,

а вся окрестная местность – Чертольем, улица Волхонка – Малой Чертольской, Пречистенка – Большой Чертольской.

По Большой Чертольской улице проходила дорога в Новодевичий монастырь, где главным храмом был собор во имя иконы Смоленской Богоматери – Пречистой Девы Марии. Заметив несоответствие названия улицы с ее направлением, царь Алексей Михайлович повелел ее переименовать. Мысль царя и обоснование переименования были понятны москвичам, и Москва переименование признала.

Зато другое переименование – улицы Арбат в Смоленскую – москвичи отвергли, хотя поводом для него послужили не менее благочестивые соображения Алексея Михайловича. Новым названием отмечалось, что улица ведет к храму во имя иконы Смоленской Божией Матери, стоявшему на нынешней Смоленской площади. Несмотря на то, что икона была очень почитаема в Москве, улицу продолжали называть Арбатом и называют до сих пор.

За все время своей дореволюционной истории Москва только однажды подверглась унижению и насилию переименованием улиц и площадей – это произошло в сентябре 1812 года во время нашествия Наполеона. Наполеоновский офицер Цезарь Ложье в своих воспоминаниях описывает вход в Москву французских войск: «Мы выходим на красивую и широкую площадь и выстраиваемся в боевом порядке в ожидании новых приказов. Они скоро приходят, и мы одновременно узнаем о вступлении императора в Москву и о пожарах, начавшихся со всех сторон. При таких обстоятельствах решено, что, не имея возможности обратиться к местным властям, мы разместимся по-военному. Вице-король дает приказ полкам, и назначенные для этого офицеры пишут углем на наружных дверях каждого дома указание постоя, а также новые названия улиц и площадей, так что теперь улицы будут называться только «улицей такой-то роты», будут еще «кварталы такого-то батальона», площади Сбора, Парада, Смотра, Гвардии и т.д.». Но эти переименования продержались всего месяц и девять дней, до тех пор, когда французам пришлось бежать из Москвы.

Единичные переименования в дореволюционной Москве в конце XIX – начале XX века производились по предложению общественности и при обязательном монаршем согласии: так, сквер на Елоховской площади перед библиотекой имени А.С. Пушкина было предложено назвать Пушкинским, сквер у Красных ворот за домом, где родился М.Ю. Лермонтов, – Лермонтовским, Тверскую площадь после установки на ней памятника М.Д. Скобелеву – Скобелевской.

Из тех немногих дореволюционных переименований более или менее привилось только одно – Скобелевская площадь, остальные же новинки забывались, и переименованная улица москвичами называлась и писалась по-прежнему. Это явление отметил крупнейший исследователь московской истории и московской топонимики П.В. Сытин. Он пишет о названиях московских улиц, переулков и площадей: «Они более живучи, чем многие памятники материальные, даже памятники архитектуры и искусства. Измененные и замененные новыми названиями, удачные старые названия часто еще долго живут в народе. Они не требуют, как другие памятники, для знакомства с ними обозрения на месте: обмен письмами между жителями Москвы и других городов и деревень делает их известными всей стране».

Устойчивость московских топонимов и приверженность москвичей к названиям, которые были даны их предками (большинству названий в центральной исторической части города, как правило, по несколько веков), объясняются теми принципами, которыми руководствовались москвичи при их создании и обстоятельствами, в которых функционировала и развивалась система московской топонимики до революции 1917 года.

Странички из истории московских названий

Два столетия назад родилась и сразу запала во всенародную память крылатая строка-пословица из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «На всех московских есть особый отпечаток». Время и постоянное ее употребление в речи расширили первоначальное прямое значение грибоедовского выражения. Оно уже давно приобрело более общий смысл и используется для характеристики главной черты Москвы и всего московского – московского своеобразия.

Своеобразие Москвы искони признавали и донныне признают и в России, и за границей, что и ставит ее в круг мировых исторических городов, таких, как Рим, Париж, Лондон.

Это своеобразие создаст и внешний облик города – его архитектура, планировка, и особая духовная атмосфера, складывающаяся из давних традиций и обычаев в быте и характере москвичей, это проявляется в повседневной жизни и в художественном творчестве, как профессиональном, так и народном, фольклорном. На московской топонимике лежит тот же московский «особый отпечаток», и она вносит свой штрих в славу своеобразия Москвы.

«Замысловатость», как называли в старину изобретательность, остроумие и оригинальность, а также словесную игру и выдумку московских названий, разнесла по всей России фольклорная шутка про московский адрес. В.И. Даль в «Пословицах русского народа» приводит несколько ее вариантов. Соль шутки заключается в том, что москвич объясняет приезжему, как тому найти нужное ему место, а у провинциала с непривычки к обилию московских названий от этих объяснений голова кругом идет, и в конце концов он вообще перестает понимать, куда же ему поворачивать и на что обращать внимание. Сам Даль характеризует смысл шутки так: «то есть – нигде». И это действительно так, потому что в ней называются места, расположенные в разных концах города:

«У Всех Святых на Кулижках, что в Кожухове за Пречистенскими вороты, в Тверской ямской слободе, не доходя Таганки, на Ваганке, в Малых Лужниках, что в Гончарах на Воргунихе, у Николы в Толмачах на Трех горах...»

«За Яузой на Арбате, на Воронцовском поле, близ Вшивой горки, на Петровке, не доходя Покровки, за Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мещанской, в Кожевниках, прошедши Котельников, в Кисловке под Девичьим, в Гончарах, на Трех горах, в самых Пушкарях, на Лубянке, на самой Полянке...»

В основе московской топонимики, определившей ее черты и особенности, лежат два принципиально важных обстоятельства.

Первое – московская топонимика, складываясь и развиваясь на протяжении многих веков, всегда сохраняла верность исторической традиции.

Второе – до 1918 года не существовало никакого властного административного органа, который диктовал бы свои законы топонимическому процессу в Москве. Названия давались жителями, утверждались общественным мнением. Это был своеобразный жанр фольклора, поэтому бытовал и развивался по законам фольклора, подвластный лишь народной воле.

С того времени, как человек поселился на московской земле, появились и названия, данные окрестным селениям и осваиваемым угодьям – лесным, пахотным, выпасам, речкам и ручьям. Поселения и места, имевшие «имя», в древности назывались урочищами, от глагола «урекать», то есть нарекать, называть.

История московских названий начинается задолго до того, как Юрий Долгорукий поставил здесь крепость и основал город. Она начинается в незапамятные времена. Слово «незапамятные» здесь употреблено в его фольклорном значении: то есть во времена очень-очень далекие, неопределимые точной датой, но память-то о них как раз и сохраняется в названиях. Некоторые из названий урочищ дошли до наших дней, став названиями улиц.

«Древняя топография города, – пишет историк Москвы И.Е. Забелин, – имела иной вид и представляла больше живописности, чем теперь, когда под булыжную мостовую везде исчезли сохраняемые только в именах церковных урочищ поля, полянки и всполья, пески, грязи и глинища, мхи, ольхи, даже дебри, или дерби, кулижки, т.е. болотные места и самые болота, кочки, лужки, вражки – овраги, енды – рвы, горки, могилы и т.п., а также боры и великое множество садов и прудов. Все это придавало древней Москве тип чисто сельский, деревенский; на самом деле во всем своем составе она представляла совокупность сел и деревень, раскинутых не только по окраинам, но и в пределах городских валов и стен».

В первых московских названиях отразились преимущественно географические особенности местности: сведения о характере рельефа – возвышенностях и низинах, о глинистых или песчаных почвах, растительности, речках и ключах.

Но в названии всегда была отражена какая-то черта именно данного места. Это стало первым правилом создания истинно московских топонимов. В каждом дореволюционном по происхождению московском топониме обязательно содержится указание на какую-то приметную деталь, особенность этой местности, если сейчас и не существующую, но когда-то существовавшую. Идя по улице Неглинной, вы можете быть уверены, что здесь текла река Неглинка, в настоящее время спрятанная в трубу, а в Николопесковском переулке под асфальтом – песчаный холм.

О московских холмах и возвышенностях говорят названия: Краснохолмская набережная, улицы Большие и Малые Кочки; о низких местах – Вражские переулки (вражек – старая форма слова овраг), Сивцев Вражек и Балканский переулок (о слове балкан А.Н. Островский писал как о московском областном, которое обозначает «продол между лесом и нагорьем»). Название Болотная площадь отметило, что здесь некогда было болото; Полянка действительно была полем, а Спасопесковский и Спасоглинищевский переулки свидетельствуют, что первый стоит на песке, второй – на глине.

О лесах, среди которых возникла Москва, сообщают Боровицкая площадь и Елоховская улица (елоха – ольха). Название Дербеневской набережной говорит о том, что здесь был густой лес – непроезжие дебри.

Некоторые улицы носят названия речек и ручьев, некогда протекавших по городу, а теперь заключенных в трубы и спрятанных под землей. Самая известная из них – Неглинка, текущая под улицей Неглинной, пересекаемой улицей Кузнецкий мост. («Неглинок», по объяснению В.И. Даля, «болотце, болотистая местность с родниками».) Сейчас ни реки, ни моста – одни названия. А полтора столетия назад еще были и река, и мост. Профессор Московского университета И.М. Снегирев, вспоминая юность, первые годы XIX века, рассказывает про Кузнец-

кий мост, как на нем «сизивали нищие и торговки с моченым горохом, разварными яблоками и сосульками из сахарного теста с медом, сбитнем и медовым квасом – предметом лакомства прохожих». Чечерский и Капельский переулки названы по речкам Чечере и Капле, протекавшим здесь и сейчас текущим в трубе под землей.

Названия старинных сел также со временем стали городскими топонимами. В духовном завещании Ивана Калиты находим названия сел, которые сейчас хорошо известны каждому москвичу: Ясеневское, Ногатинское, Коломенское как московские топонимы.

Основатель Москвы князь Юрий Долгорукий, давая название основанному им городу, также руководствовался правилом – отразить в его имени характерный признак местности, в этом случае – географическое положение по отношению к известному природному объекту.

Летописное известие об этом событии сообщает, что в 1156 году «князь великий Юрий ВолодимERIC заложил град Москву на усть ниже Неглинны, выше реки Яузы», и завершает объяснением, что название Москва-град было дано «по имени реки, текущая под ним».

С основанием города появляются и собственно городские топонимы. Они возникают по мере того, как складывается градостроительная структура Москвы, появляются улицы.

Кузнецкий мост

В настоящее время в официальных градостроительных документах для всех тех частей городских «земель», по которым производится движение транспортное или пешеходное, принято как общий термин название «проезд». В Москве существует много разных видов городских проездов, возникших, сложившихся в результате исторического развития города и образующих его современную структуру.

Основной городской вид «проезда» – это улица.

На Руси слово «улица» письменно зафиксировано в древнейшем русском письменном памятнике – «Изборнике» Святослава 1076 года. Языковеды считают, что происхождение слова «улица» неясно, но полагают, что его древняя основа по своему значению близка к следующему ряду понятий: лить, течь, вода. Правда, теперь, вот уже по крайней мере лет пятьсот, оно имеет совершенно определенное значение: «простор меж двух порядков домов; полоса, проезд, дорога, оставляемая промеж рядами домов» (В.И. Даль). В древнерусских памятниках слово «улица» употребляется также в значении площадь и дорога. К числу древнейших московских названий улиц относятся названия по дорогам: Тверская, Дмитровская и другие.

Улицы в Москве, конечно, появились одновременно с возникновением города, но обычно присваивать им «имена» сложился гораздо позже. Это вполне естественно, так как для ориентации в городе (в чем, собственно, и заключается смысл и цель наименований) при срав-

нительно небольшом размере территории и ограниченности населения вполне достаточен был адрес, состоящий из названия города и имени человека.

Впервые упомянуто в летописи и таким образом документально удостоверено «имя» московской улицы в 1468 году – это улица Великая, шедшая от Кремля по посаду вдоль Москвы-реки (впоследствии Мокринский переулок, а позже территория гостиницы «Россия»). Правда, это название может быть отнесено к именам собственным с некоторым допущением, так как оно просто характеризовало величину улицы (великая, т.е. большая) по отношению к другим, и когда появились улицы более значительные, эта улица свое имя утратила.

К XV—XVI векам в Москве сложилась уличная система. Австрийский дипломат XVI века С. Герберштейн в своих «Записках о Московии» отмечает, что Москва «имеет много улиц».

В Москве различаются следующие виды улиц: проезжая улица, глухая, или тупая улица (тупик), переулок – небольшая улица, соединяющая две более крупные; впоследствии некоторые переулки (проулки) стали называть проездами.

Одновременно с улицей возникли в городе и площади – «в городах или селениях незастроенный простор шире улиц», – по объяснению В.И. Даля.

Китай-город. Вид из-за Москвы-реки. 1880-е гг.

Возведение нескольких колец крепостных стен вокруг города принесло с собой такой ориентир, как части города, находящиеся в пределах, огороженных стенами: Кремль (или Город), Китайгород, Белый город, Земляной город.

С постройкой второго кольца стен вокруг Москвы – Китайгородской стены (1535 год) за древнейшим укреплением утвердилось наименование Кремль. Это слово однокоренное со словом кромка – край, граница; также производят его от слова «кремень», имея в виду крепость, твердость этого минерала. Название Китай-город, по наиболее распространенной версии, перешло на каменные постройки 1535 года от бывших на этом месте прежних укреплений, сделанных из связок прутьев – китаев, обмазанных глиной (в таком значении – пук, связка чего-либо: стеблей, соломы, травы и т.д. – слово «кита» существует в современных говорах центральной, северной России и Урала).

Следующее кольцо укреплений – стены Белого города, возведенные в 1585—1593 годах и снесенные во второй половине XVIII века, оставили в московской топонимике термин «ворота» как название прилегающей к ним городской местности. Мы до сих пор говорим: у Яузских ворот, у Покровских ворот и т.д. А устроенные на месте снесенных стен Белого города места для общественных гуляний – бульвары ввели в московскую топонимику и этот термин как название разновидности улицы.

Четвертая линия городских укреплений – бревенчатая стена с башнями, возведенная в 1591—1592 годы по линии современного Садового кольца, называвшаяся первоначально Деревянным городом, или Скородомом, в XVII веке замененная земляным валом и рвом, обогатила московскую топонимическую терминологию словом «вал», которое также осталось на плане Москвы до настоящего времени: Земляной вал, Валовая улица и другие.

Последняя заградительная линия Москвы – Камер-Коллежский вал с заставами, сооруженный в 1742 году за пределами Земляного города, был уже не военным укреплением, а таможенной границей для контроля ввозимых в город товаров, которые в Москве продавались дороже, чем в губернии (например, водка). От Камер-Коллежского вала как термин и объект московской топонимики осталось слово «застава»: Рогожская застава, Серпуховская и другие.

В связи с одной из застав получила свое название улица Зацепа. Старинное название улицы Зацепа, а также Зацепских площади, проездов, тупика и вала возникло потому, что здесь, на таможенной городской границе, проезд был перегорожен цепью, чтобы возы с товаром не могли проехать без таможенного досмотра. Примыкающая к заставе за цепью местность называлась Зацепской.

Застройка вдоль берега рек и речек принесла с собой проезд – набережную.

Имеют названия-топонимы также более крупные городские территории – районы, округа, поселки, деревни.

Познакомившись с тем, чему в Москве дают названия-топонимы, теперь перейдем к рассказу о том, как происходило образование названий-топонимов.

Москва как город развивалась и расширялась, отвечая потребностям ее населения, учитывая самые разнообразные его желания и требования, поэтому ее структура оказалась многосложной, но удобной и естественной. Москва именно развивалась, а не была насильно втискиваема в какие-то искусственные формы. Так возникла ее разумная и экономичная радиально-кольцевая планировка с четкой основой радиальных улиц-дорог и своеобразной, подчиняющейся только требованиям необходимости и целесообразности сетью второстепенных улиц, улочек и переулков разного вида и образа.

Московские названия рождались и жили по тому же принципу нужности и целесообразности, являясь не искусственной схемой, а живой, естественно развивающейся системой.

Первая и главная роль улицы – быть проходом и проездом к какому-либо определенному пункту. Это и отразили наименования первых улиц, которыми стали дороги – Тверская, Дмитровская и другие. Поэтому первоначальный принцип образования названий улиц заключался в указании, куда они ведут. В начале XVI века в завещании Ивана III одна из улиц обозначается таким описанием: «что идет от Города мимо Юрьи святыи каменную церковь к Сущеву на Дмитровскую дорогу». Эта улица, идущая «к Сущеву на Дмитровскую дорогу», в конце концов, стала Большой Дмитровкой.

Подобный способ образования уличных и переулочных названий действовал и в последующие столетия. В изданном в 1782 году «Описании императорского, столичного города Москвы...» перечислен ряд переулков, которые уже существуют, но еще не обрели устойчивых наименований, а первоначальные, прикидочные названия построены по той же форме, как и при Иване III: «к Белому городу», «к Живодерке старой», «к Зачатейскому монастырю», «к Земляному городу», «к Красным воротам», «к Пятницкой церкви», «к Трем прудам»... Из этого списка несколько десятилетий спустя названия двух переулков сохранили связь с первоначальным наименованием: Живодерный Старый переулок на Тишинке (с 1890 года называвшийся Владимир-Долгоруковской улицей, в 1918—1931 годах – улицей Фридриха Адлера, в 1931 году переименован в улицу Красина) и Трехпрудный, поскольку эти названия связаны с конкретными местными ориентирами.

Основные радиальные улицы Москвы в течение веков не меняли своего местоположения, не меняли и «имен»: таковы Тверская, Покровка, Сретенка, Арбат.

Читая завещание Ивана III, нельзя не обратить внимания на то, что местоположение большинства улиц определяется названиями церквей. Это было сделано сознательно, исходя из жизненного опыта. Настоящим бедствием Москвы, в основном деревянной, были пожары, и поэтому каменные храмы оставались наиболее верными и долговременными ориентирами в городе.

Но поскольку в Москве было много одноименных церквей: Николая Чудотворца – почти три десятка, Троицких – около двух десятков, более десятка Покрова Богородицы и так далее, то при ссылке на церковь требовались еще дополнительные уточнения, и названия московских храмов получали их. Может быть, наиболее наглядно изобретательность, образность и живая фантазия москвичей в придумывании названий проявились в наименовании московских «сорока сороков» – церквей. Вот некоторые из них: Святого Николая Чудотворца, что слывет Красный звон; Зачатия святой Анны, что в Углу; Иоанна Богослова, что под Вязом; Живоначальной Троицы, что в Полях; Святого Владимира, что в Старых садах; Преображения Господня, что на Глинищах; Троицы, что на Грязях; Воскресения Христова, что на Успенском вражке; Георгия на Красной горке; Сергия в Крапивках; Преображения Господня в Наливках; Святой Троицы, что на Капельках; Иоанна Предтечи, что под Бором; Николая Чудотворца, что на Ямах; Ермолая на Козьем болоте; Николая Чудотворца, что на Курьих ножках; Николая Чудотворца, что на Пупышах.

Тверская улица в конце XIX века

Эти дополнения попали в названия улиц и переулков: так Спасский переулок становился Спасопесковским, присоединив к церковному названию название старинного урочища Пески. Любопытно образование названия Спасоналивковский переулок. Оно дано по церкви Спаса Преображения, что в Наливках, построенной в XVII веке (снесена в 1929 году, но его возникновение относится к XVI веку).

Адам Олеарий, секретарь голштинского посольства, рассказывает в своих записках: «За Москвой-рекой ... часть эта построена ... для иноземных воинов ... и называется Нaleyки именно по причине господствующего там пьянства, ибо слово «налей!» значит у русских: поднеси! Это особое помещение для иноземных войск устроено потому, что иноземцы преданы пьянству еще более москвитян, и так как нельзя было надеяться, чтобы искоренить в них привычку, так давно ими усвоенную и сделавшуюся даже их врожденным пороком, то им и предоставили полную свободу пить».

В XVIII веке количество улиц и особенно переулков значительно увеличилось, и естественно возникла необходимость как-то обозначить, назвать их. Церковные названия были уже исчерпаны, и тогда переулки все чаще начинают называть по именам, фамилиям и прозвищам

домовладельцев, живущих в них. Тут необходимо оговориться, что назывались переулки не в честь этого лица, а только потому, что его домостроение выделялось из соседних какой-нибудь характерной приметой. Среди домовладельцев, давших имена переулкам, имеются и дворяне, и купцы, и ремесленники, и крестьяне, богатые и бедные – в большинстве своем рядовые москвичи, которые ничем особенным не отличались, имена которых почти не встречаются на страницах истории и о которых мы не можем сказать ничего, кроме того, что когда-то они жили в этом переулке.

Названия переулков, данные по домовладельцам, в отличие от названий, данных по храмам и дорогам, иногда изменялись в зависимости от новых обстоятельств. Так, Гарднеровский переулок (по домовладельцу – известному фарфорозаводчику) до этого назывался Корниловским и Волковым – тоже по домовладельцам, а Глазовский был Несвицким. Менялся домовладелец – менялось и название. Правда, в том случае, когда домовладелец бывал чем-нибудь замечателен, а сменивший его ничем не выделялся, народная память сохраняла прежнее наименование.

Старая москвичка Елизавета Петровна Янькова в своих воспоминаниях «Рассказы бабушки», охватывающих время с середины XVIII по первую четверть XIX века и содержащих много любопытных сведений о Москве и москвичах той эпохи, рассказывая о московском главнокомандующем П.Д. Еропкине – личности заметной и уважаемой в Москве, сообщает: «Он имел свой дом на Остоженке, тот самый, где теперь Коммерческое училище, отчего и переулки, что возле, называются один – Малый Еропкинский, другой – Большой Еропкинский». Примечательно, что Янькова, обычно вспоминая, кому дом принадлежал прежде того человека, о котором говорится, тут вроде бы забывает, что всего каких-нибудь десять лет назад переулок назывался Шеншинов, также по имени домовладельца. Домовладелец выехал, появился новый – и у переулка новое название. Но при этом название переименовал переулок, куда выходил боковой фасад дома главнокомандующего, а не улица Остоженка, куда выходил главный, – выразительный пример того, что на названия улиц не воздействовали сиюминутные обстоятельства.

Повод для создания топонима давали также некоторые события и черты народного быта.

Лихоборы обязаны названием тому, что в XVII—XVIII веках тут в «лихом бору» на проезжих нападали разбойники.

Газетным стали называть переулок из-за того, что в нем помещалась контора, в которой подписчики всей Москвы (тогда газеты еще не разносили по домам) получали свои газеты.

А ближайшая к Зацепской площади улица называется Щипок, к ней примыкают Щипковские переулки. Это название также имеет отношение к таможенному досмотру. Нынешнее название несколько переименовано, раньше оно произносилось Щупок. Здесь длинной острокопечной железной палкой – щупом – протыкали возы соломы и сена, чтобы узнать, не скрывается ли внутри какой-нибудь запрещенный товар. Д. Никифоров, автор книги «Из прошлого Москвы. Записки старожила», рассказывает, что еще в 60-е годы XIX века здесь дежурил сторож со щупом, который следил, чтобы в Москву не привозили вина (автор здесь имеет в виду водку. – 5.М.), потому что в городе оно продавалось дороже, чем в сельских местностях.

Став городом, Москва быстро обросла слободами, в каждой из которых селились ремесленники одной профессии. Слободская ремесленная Москва оставила по себе память в многочисленных современных названиях: Гончарные переулки, Каменщики, Каретный ряд, Котельнические переулки, Кожевническая улица, Ружейный, Серебряничный, Скорняжный переулки, Бронные улицы (бронники – мастера, выделявшие бронь: кольчуги), Кадашевская набережная (кадаши – бондари, делавшие кади: кадушки, бочки) и многие другие.

Наследниками названий улиц по ремесленным слободам стали улицы и переулки, получившие названия по ближайшим фабрикам и заводам, которые бурно начали строить в Москве во второй половине XIX века. Амовский проезд получил свое название в 1915 году от завода

АМО (Акционерное машиностроительное общество). Теперь он называется Автозаводской улицей. По газовому заводу названа Газовская улица, по кирпичному – Кирпичная, по колокольным заводам – Колокольников переулок.

Слободы военных, стрельцов, в которых жили стрельцы одного полка, часто назывались по фамилиям их командиров – полковников. Таково происхождение Зубовской площади, Левшинских переулков, Лефортова. Патриархи также имели слободы, обслуживающие патриархию: Патриаршие пруды и Патриаршие переулки находятся на месте бывших патриарших слобод.

О том, что московский топоним обязательно включает в себе что-то связанное с этой местностью, москвичи знали задолго до того, как появился первый научный труд, специально посвященный московской топонимике, – книга архитектора, историка и археолога А.А. Мартынова «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями», вышедшая первым изданием в 1878 году.

В предисловии к этой книге, подводящем итоги многолетних и серьезных научных поисков, автор пишет: «Названия урочищ, площадей, улиц и переулков произошли не случайно; не произвольно выдуманы были имена для обозначения той или другой местности. В этих названиях заключается большею частью указание на историческое событие, на известное в свое время лицо, на бытовую черту, на местную особенность; в них хранится память прошедшего, иногда отдаленного. Но память эта слабеет с течением времени; характеристические названия, переходя от поколения к поколению, искажаются, теряют свое первоначальное значение, обращаются в бессмысленные звуки, ничего уже не говорящие тому, кто их слышит и повторяет. Иногда старые названия вовсе забываются, не заменяясь даже новыми, и местности, носившие прежде весьма выразительные имена, превращаются в безымянные. Восстанавливать старые названия, доискиваться их причины и смысла – работа трудная, но в высшей степени интересная. В них оживает, так сказать, перед нами забытое прошедшее. Мы видим постепенный рост города, разнородные составные части, соединившиеся в нем, характер почвы, на которой он выстроился, видим следы народных нравов, древних обычаев, влияние знатных родов, выдающихся лиц, впечатление, оставленное историческими событиями. К этой работе еще только начинают приступать для Москвы».

И все это сами москвичи знали давно. П.А. Валуев, москвич шукинского и грибоедовского времени, пишет в повести «У Покрова в Левшине»: «В первопрестольной Москве, где насчитывается или насчитывалось до сорока сороков церквей, почти каждый дом стоит в виду одной из них, и почти каждый адрес может быть приходским. При этом наименование каждого прихода имеет, так сказать, исторический звук, то есть звучит чем-то истинным, действительно бывшим; оно произошло от условий или обстоятельств, которых уже нет, но которые прежде существовали, одним словом, завещано стариной, напоминает о старине и для уразумения требует справок со стариной...».

Валуев в юности был знаком с Пушкиным и послужил для поэта прототипом Петра Гринёва, главного героя «Капитанской дочки». В черновиках Пушкин кое-где даже называет Гринёва Валуевым.

Так как историческая основа топонима была для москвича несомненна, то в тех случаях, когда исторических справок не находилось, он создавал легенду, ибо московское название просто не могло не иметь объяснения.

На Крымской набережной есть Бабьегородские переулки. Свое название они получили в XVII—XVIII веках, когда велись работы по укреплению берега Москвы-реки сваями, которые вбивались при посредстве «баб» – тяжелых подвесных молотов. За то долгое время, что велись работы, эти «бабы» достаточно намозолили глаза окрестным жителям, местность с торчащими сваями прозвали Бабьим городом. Но позже, когда работы были закончены, «баб» разобрали и увезли, память о них сгладилась, и тогда-то возникла легенда о «Бабьем городке».

В легенде рассказывается: было это в XIV веке, подступили к Москве татары, а князя с дружиной в городе не случилось, одни бабы с детишками и стариками остались. Тогда поставили бабы на берегу Москвы-реки наскоро городок, закрылись в нем и стали оборону держать. Крепко бились бабы, не удалось татарам взять их городок, да еще во время вылазок побили они немало врагов, и татары отступили от Москвы. От этого и произошло название Бабьего-родских переулков.

В создании московских топонимических легенд приняли участие поэты и писатели.

Пруд возле Симонова монастыря вдохновил Н.М. Карамзина на повесть «Бедная Лиза». «Близ Симонова монастыря есть пруд, осененный деревьями, – вспоминал он в 1817 году. – За двадцать пять лет перед сим сочинил я там «Бедную Лизу», сказку весьма незамысловатую, но столь счастливую для молодого автора». После опубликования повести пруд стали называть Лизиным прудом.

До середины 1930-х годов в Симоновской, переименованной в Ленинскую, слободе существовала железнодорожная платформа Лизино, а также были Лизина площадь и Лизин тупик.

В 1809 году В.А. Жуковский написал повесть «Марьяна роща» – историю из древних времен Святого Владимира о трагической любви прекрасной крестьянки Марии и пастушка – певца Улада, которых разлучил владетель тех мест жестокосердный витязь Рогдай, отчего Мария умерла. «И хижина отшельника Аркадия, и скромная часовня Богоматери, и камень, некогда покрывавший могилу Марии, – все исчезло, – заключает свою повесть В.А. Жуковский, – одно только наименование Марьиной рощи сохранено для нас верным преданием».

Несмотря на ненаучность, подобные предания придают особую прелесть московским названиям, и истинный москвич, знающий настоящее значение какого-либо названия, все же сердцем склоняется к легенде и с удовольствием повторяет хитрую или нехитрую топонимическую выдумку, а порой и сам готов что-то объяснить по-своему.

Рождаются легенды и в наше время.

В 1925 году известную подмосковную усадьбу Царицыно с ее дворцом, парком и поселком при ней переименовали в Ленино. В путеводителе по окрестностям Москвы издания 1926 года описание Царицына начинается таким беллетристическим вступлением:

«Поезд приближается к 20-му километру.

– Царицыно! – выкрикивает проводник.

Сидящие в вагонах стремятся к выходу.

– Извините, не Царицыно, а Ленино, – любезно поправляет проводника 17-летний юноша со значком КИМа на груди.

Проводник смущается. Лицо его даже розовеет».

Несмотря на старания сознательных юношей, название не привилось. Царицыно продолжали называть Царицыном. Но смутная память о переименовании все-таки кое у кого осталась. Уже в семидесятые годы мне пришлось слышать от одного старого Царицына историю о том, что прежде, давным-давно, Царицыно называлось Ленином: жил тут богатый купец, была у него любовница, красивая девка по имени Лена, вот он купил здесь землю, построил дворец и назвал эту местность Ленино.

Царицыно. Развалины дворца. XX век

Заложенная искони в московские названия описательность отразилась и на форме истинно московского адреса, явления не менее своеобразного, чем сами названия. Москва до второй половины XIX века практически не имела четких фиксированных и общепринятых адресов, и москвич, объясняя, куда и как идти или ехать, каждый раз варьировал свое объяснение в зависимости от обстоятельств, учитывая и то, откуда предстояло ехать человеку, в какое время, на чем, и, конечно, принимая во внимание знание человеком местности, а между прочим, и его понятливость.

Таким образом, получался не адрес, а произведение устного народного творчества.

В середине XVII века в «Строельной книге церковных земель» даются такие адреса: «Церковь деревянная Сошествия Святого Духа, что за Богородицкими вороты, подле городовые стены, на рву», «Великого чудотворца Николы Явленного, что за Арбацкими вороты».

Сто лет спустя, в 1747 году, так же в официальном документе приводится адрес купца Ивана Мусина: «идучи из Семеновской в Алексеевскую слободу, в приходе церкви Воскресения Христова, что в Таганке». Подробность и описательность московских адресов сохранялась и в последующие века. Хотя с XVIII века в Москве уже существовала нумерация домовладений, москвичи не доверяли «цифири» и предпочитали словесное объяснение.

Е.П. Янькова, рассказывая о знакомых москвичах, всегда указывала их местожительство: «свой дом близ Остоженки, в приходе Илии Обыденного», «близ Девичьего поля, в приходе Воздвиженья на Пометном вражке». Но и ее внук, издавая рассказы бабушки в 1877 году, так же по-московски традиционен: «Она (бабушка) жила постоянно в Москве, в собственном доме, в приходе у Троицы в Зубове, в Штатном переулке, между Пречистенкой и Остоженкой».

Н.М. Карамзин, сетуя на официальную краткость адреса писем, присылаемых ему из Петербурга, просит: «...пиши ко мне, не забудь в надписи прибавить: в доме Плещеева на Тверской. Постиллионы наши не из Лаконии». А потом еще велит указывать: «... в приходе Василия Кесарийского», потому что названия церквей казались надежнее названий улиц и переулков.

М.С. Щепкин тоже всегда указывал свой адрес по ближайшей церкви: «Большой Спасский переулок у Спаса на Песках».

О том, как вводился современный вид московского адреса – с указанием названия улицы и номера дома, – рассказывает в своих воспоминаниях «Москва в 1870—1890-х годах» историк М.М. Богословский. В его время основной адресной приметой дома являлось имя его владельца. «Бывали, – пишет он, – затруднения и в тех случаях, когда по одной улице домами владели однофамильцы, и при указании адреса надо было обозначать, что адресат живет не только в доме Иванова, но «в доме Иванова, бывшем Брабец». Впрочем, надо сказать, что тогда не было еще общепринятого порядка в обозначении адресов и их обозначали то по полицейским частям и кварталам, например: «Хамовнической части 2-го квартала на углу Неопалимовского

и Малого Трубного переулка, дом такого-то», то по церковным приходам, например: «у Мартына Исповедника», «у Успенья на Могилцах», «в приходе церкви Неопалимья Купины».

Иногда же прибегали к различным совершенно случайным обозначениям: против такой-то церкви, против вдовьего дома, против пожарного депо и т.д. Нумерация домов начала заводиться, помнится, с девяностых годов, но этот общеевропейский порядок, уже давно усвоенный в Петербурге, в Москве прививался очень туго. Распоряжения о номерах несколько раз издавались, номера заводились, но как-то не прививались и быстро выходили из употребления. Чтобы сломать упорство московских обывателей и окончательно упрочить новый порядок, пришлось прибегнуть к запрету писать на воротах фамилию домовладельца».

Т.Л. Щепкина-Куперник – это уже в предреволюционное десятилетие – вспоминает, что дом, в котором она жила в юности в Москве, имел чисто московский адрес: «Божедомка, дом Любимова, что против большой ивы».

Сейчас не пишут на конвертах таких адресов, обстоятельства заставили перейти на строго формализованный адрес. Но традиции живут в устной форме – фольклор неистребим. Звонит мне приятель:

– Я получил новую квартиру у черта на куличках, в Бабушкине. Запиши адрес: выйдешь из электрички, на другую сторону не переходи, иди в туннель, за туннелем будет площадка, на ней табачный киоск, магазин «Вино», повернешь на улицу за «Вином», там дома с одной правой стороны, пройдешь три дома, потом будет девятиэтажный дом, по тропинке обойдешь его справа до серого дома, увидишь три зеленых корпуса, в промежутке между ними, перпендикулярно к ним, стоит наш корпус, от правого угла третий подъезд, второй этаж, из лифта налево, первая дверь. Записал? Ну, приезжай в это воскресенье.

Какая уж тут речь про номер дома! Даже официального названия улицы не понадобилось – все и так ясно...

Рост Москвы, усложнение городской структуры требовали упорядочения городских адресов и наименований улиц. Поскольку государственного учета и регулирования названий улиц не было, то единственным фиксирующим их документом становились составляемые и издаваемые время от времени городскими топографами планы Москвы. Причем, как правило, топографы не просто перечерчивали прежние планы, но сверяли их с натурой. Поэтому на планах разных лет некоторые переулки имеют разные названия, отражая положение на данное время.

Но в целом прошедшие народный отбор названия улиц оставались практически неизменными много десятилетий и даже веков и служили верными ориентирами в городе. Их знали все, и не только москвичи, но и по всей России.

К концу XIX века в Москве и в переулках, особенно в центре, застраиваемом многоэтажными домами, изменения названий прекращаются. Это было естественное и закономерное явление.

В 1915 году вышла изданная Московской городской думой книга межевого инженера, гласного Думы А.Н. Петунникова «Пути сообщения в Москве по высочайше утвержденному плану», в которой содержалась полная юридически зафиксированная характеристика городской планировки и застройки и городских проездов всех разновидностей. Планы, по которым была составлена работа Петунникова, и текст книги зафиксировали и закрепили за всеми проездами-путями сообщения существующие названия.

Таким образом, в начале XX века топонимика Москвы была законодательно утверждена в своем историческом составе и в будущем защищена высочайшим утверждением от произвольных изменений.

Но будущее московской топонимики оказалось иным, чем можно было предположить в 1915 году.

Революционные переименования

Через несколько дней после получения в Москве известия из Петрограда о Февральской революции 1917 года на одном из очередных заседаний Московской городской думы гласный Думы Н.А. Шамин предложил Воскресенскую площадь, на которой находилось здание Думы, переименовать в площадь Революции, а другой думец – присяжный поверенный Г.А. Погребцов, поддержав саму идею переименования, выдвинул, свой вариант – площадь Свободы. Однако официального оформления это революционное переименование тогда не получило.

Затем произошла Октябрьская социалистическая революция, и вновь к вопросу о переименовании московских улиц в революционном духе уже новое, коммунистическое правительство вернулось год спустя.

11 марта 1918 года советское правительство во главе с В.И. Лениным, опасаясь, что Петроград может быть взят белыми, переехало в Москву.

12 апреля на заседании Совета народных комиссаров обсуждался и был принят декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Республики». Декрет подписан Лениным, Луначарским и Сталиным. В одном из пунктов декрета говорится и о названиях московских улиц: «...поручается спешно подготовить декорирование города в день 1 мая и замены надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России».

Декрет «О снятии памятников...» написан и выпущен в Москве, в его тексте содержится распоряжение о «замене названий» города, то есть совершенно очевидно, что это указание прежде всего относится именно к Москве.

Сразу же по опубликовании декрета, а он был опубликован через два дня после утверждения на заседании Совета народных комиссаров – 14 апреля 1918 года, в Москве приступили к его выполнению.

Переименования производили созданные в районах комиссии. Старая партийка врач Л.А. Духанина вспоминает: в те времена ей было 17 лет, она состояла в партийной организации Рогожско-Симоновского района, и ее «включили в комиссию по переименованию улиц района. Возглавлял комиссию старый большевик Воронин. Он ходил с палочкой, всегда в галстук «бабочкой». Товарищеский переулок, Большая Коммунистическая улица, шоссе Энтузиастов... Правда, последнее название вызвало в комиссии спор. Казалось, что это трудное и не совсем понятное слово не приживется. Но Воронин все-таки убедил всех, что Владимирское шоссе, по которому шли политические ссыльные, только так и можно назвать. Шоссе Энтузиастов – название прижилось, но знает ли кто-нибудь его значение?» Замечу, что прежнее народное название – Владимирка – до сих пор всплывает, когда надо указать, где же находится шоссе Энтузиастов и куда оно ведет, а что касается значения нового названия, то автор воспоминаний права: очень немногие знают, какой смысл вкладывали в него те, кто переименовывал.

Мнением москвичей, конечно, не интересовались, переименовывали московские улицы в райкомах, райсоветах, при закрытых дверях. С тех пор это стало нормой работы городской власти.

Если прежние московские названия были оригинальными, каждое на особинку, то революционные оказались типовыми, потому что переименовывали улицы люди одного, довольно узкого, круга, одних политических убеждений и пристрастий.

Поскольку декрет поручал замену названий улиц местным, районным властям, то они производили ее, не согласовывая с соседями, поэтому в Москве в каждом районе появились улицы с одними и теми же названиями. Так в Москве появилось по несколько Коммунистических, Советских, имени Карла Маркса, Октябрьских, Борьбы, Коммуны, Партийных, Товари-

щеских, Рабочих, Интернационала, Восстания, Баррикадных, Декабрьской Революции (имелось в виду восстание декабря 1905 года); к названию Пресня прибавили эпитет «Красная»; улицы называли именами известных в партийных кругах деятелей русского и международного рабочего и революционного движения, но почти неизвестных большинству москвичей, например, трем улицам дали имя Эжена Потье, автора стихов партийного гимна «Интернационал»...

Можно понять райкомовцев, переименовывавших старые московские улицы и переулки: они вступали сами и вели народ в новый мир с великими надеждами и великим энтузиазмом, им искренне и во благо народа хотелось утвердить символы нового мира. Но объективно получалось, что они нарушали многовековую народную традицию тем, что присвоили себе право, принадлежавшее народу.

Москвичи обсуждали между собой переименования. В этом отношении любопытна запись от 4 мая 1918 года в дневнике мелкого московского служащего, «московского обывателя», как он называет себя, Н.П. Окунева: «Появились первые распоряжения о перемене названий московских улиц. Пресня Большая будет именоваться «Красной Пресней», «Горбатый мост – «мостом 1905 года». Немецкая улица – «улицей Баумана» и т.д. Надолго ли эти названия? И почему Немецкую улицу не назвали «Пушкинской» – ведь дом, где родился Пушкин, и сейчас стоит там. Причем здесь Бауман, рядовой революционер, убитый в 1905 году, разве только поэтому этой улице дали его имя, что он погиб на ней? Но вот у стен Кремля сколько погибли революционеров (к этому времени на Красной Площади у Кремлевской стены уже появились братские и индивидуальные могилы революционеров. – В.М.) даже более знаменитых, чем Бауман, – но нельзя же Красной площади дать название, перечисляющее десятки имен».

Очень по-московски звучит вопрос Окунева, «надолго ли эти названия?», основанный на воспоминании о том, как прежде Москва игнорировала назначаемые сверху названия улиц.

Характерны обоснования переименований, которые печатались в прессе. Они были прямы и наивны, как энтузиазм и мышление их авторов. Причем авторы переименований не замечали, как двусмысленно звучали сочетания старого и нового названий улицы поставленных рядом: «Пустую улицу переименовать в Марксистскую улицу в честь марксистского учения и его последователей». Особенно много подвохов преподносила идеологизация названий тупиков: Новоспасский тупик был переименован в Крестьянский тупик «в честь советского крестьянства». Конечно, тогда не предполагали, с какой горькой пророческой иронией это название будет звучать несколько десятилетий спустя.

До сих пор старожилы помнят, как в Рогожско-Симоновском районе две улицы были переименованы в Большую и Малую Коммунистические, переулок – в Коммунистический переулок; кроме того, в комплект переименований входил еще и Коммунистический тупик. Надо обладать полной глухотой к слову, чтобы наряду с Магистральной улицей, «названной при прокладке с учетом ее назначения как главной местной магистрали», окрестить примыкающие к ней непроезжие тупики 1-ми 2-м Магистральными тупиками.

Одни и те же революционные переименования улиц распространились по всей России. Описывая типичный уездный город 1919 года в Среднем Поволжье, писатель Артем Веселый в романе «Россия, кровью умытая» отобразил характерное явление: «Спешно переименовывались улицы: Бондарная – Коммунистическая, Торговая – Красноармейская, Обжорный ряд – Советский, Вшивую площадь и ту припочли – сроду на ней галахи в орлянку резались, вшей на площади били – площадь Парижской коммуны... Заведующий отделом управления, вчерашний телеграфист Пеньгюшкин, большой был искусник на такие штуки... Даже самые глухие и жителями забытые переулки – Запанный и Песочный – были переименованы в Дарьяльский и Демократический».

Великолепный летописец советского быта В.В. Маяковский обратил внимание на однообразные переименования улиц. В стихотворении «Ужасающая фамильярность» он писал:

Куда бы
ты ни направил разбег
и как ни ёрзай,
и где ногой ни ступи,
есть Марксов проспект,
и улица Розы,
и Луначарского —
переулок или тупик. Где я?
В Ялте или в Туле? Я в Москве
или в Казани? Разберешься?
— Чорта в стуле! Не езда, а — наказание.

Шквал первых советских переименований был по сути своей стихийным и романтическим, а потому и не всегда идеологически выдержанным. Следы этой невыдержанности остались в некоторых культурных проектах, осуществленных в то время: например, на «Обелиске выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся» в Александровском саду, переделанном в 1918 году из обелиска в память 300-летия дома Романовых, на котором наряду с Марксом, Энгельсом, Либкнехтом оказались высечены имена весьма сомнительные с точки зрения большевистской идеологии: Прудон, Михайловский, Плеханов... Так же получилось и с улицами, через несколько лет эти названия с мотивировкой «название неправильное» были заменены.

Укрощение стихии

С точки зрения советской власти, дореволюционная система создания московской топонимики имела тот недостаток, что над ней были не властны органы управления, и поэтому она была для Советов органически неприемлема.

В 1919 году стихийные переименования были поставлены под государственно-партийный контроль. Правда, в пожаре гражданской войны не всегда удавалось осуществить этот контроль, но общая тенденция отношения советской власти к топонимике наметилась уже тогда и впоследствии неуклонно проводилась в жизнь.

В 1921 году Моссовет принял постановление «О порядке переименования улиц, проездов и площадей города Москвы», в котором право переименования предоставлялось только президиуму Моссовета, для чего при нем была образована специальная комиссия. В комиссию, кроме работников Моссовета, вошли историки-краеведы П.В. Сытин, М.А. Александровский, П.Н. Миллер, чем ей был придан некоторый научный авторитет. Для «научности» в программе работ комиссии содержалось указание, что переименование требуется производить в соответствии с «археологическими данными». Однако гораздо важнее был другой пункт программы, в котором говорилось, что комиссия должна искоренять в названиях все, связанное со старым, царским строем, и увековечивать имена деятелей революции. Нежелательными считались названия, связанные с именами царей и их приспешников, церковные названия, названия по владельцам и прочие, «отражающие дореволюционный отсталый быт». Одним словом, если выполнить поставленную Моссоветом задачу, следовало заменить все московские названия, потому что все они так или иначе отражали дореволюционный быт.

При переименовании, конечно, не историки имели решающий голос.

В Москве не было улиц, названных в честь «царей и их приспешников», поскольку просто не было такого обычая. Действительно, есть Александровские улицы, но одна из них названа по Александровскому институту благородных девиц, другая – по Александровской слободе; есть Николаевская улица, названная по проходящей вдоль нее ветке Николаевской железной дороги; есть Павловские улицы и переулки, названные по Павловской больнице, построенной Павлом I по обету «за избавление его от тяжелой болезни». Императорская площадь в Кремле названа по дворцу... Поэтому поставленный первым пункт деятельности моссоветовской комиссии, на котором и зиждился пафос переименования, оказался фикцией, а дальше следовали вкусовщина и произвол.

Таким образом, в 1921 году ленинский декрет 1918 года получил в постановлении Моссовета развитие, конкретизацию и ужесточение.

Политический подход к топонимике и в то же время связь его с общей системой пропаганды спародировал В.В. Маяковский. В драме «Баня», где главный ее персонаж – законченный совбюрократ, «главный начальник по управлению согласованием, главначпупс товарищ Победоносиков», готовя речь по поводу пуска трамвайной линии, строит ее из ставших уже обязательными идеологических штампов, в частности восхваления всего советского и очернения всего дореволюционного, и тут же вплетает топонимический мотив в его классовой направленности:

«Победоносиков: ...Сегодня рельсы Ильича свяжут «Площадь имени Десятилетия советской медицины» с бывшим оплотом буржуазии «Сенным рынком»... Кто ездил в трамвае до 25 октября? Деклассированные интеллигенты, попы и дворяне. За сколько ездили? Они ездили за пять копеек станцию. В чем ездили? В желтом трамвае. Кто будет ездить теперь? Теперь будем ездить мы, работники вселенной. Как мы будем ездить? Мы будем ездить со всеми советскими удобствами. В красном трамвае. За сколько? Всего за десять копеек».

Сначала моссосветовская комиссия занялась ревизией уже принятых переименований. «Одноименные названия, – пишет П.В. Сытин, – затрудняли работу почты, телеграфа, пожарных, скорой помощи и других городских учреждений. Потребовалось взяться всерьез и навести порядок в этом деле». Кроме того, были и идеологические неувязки: уже в 1919 году выяснилось, что не все современные «революционные деятели» могут претендовать на то, чтобы их именем что-либо называлось, и Моссовет, отменив решения райсоветов, оставил в силе только 64 переименования. Это было первое в советское время предпринятое и законодательно утвержденное решение о переименовании улиц.

В этом списке остались общереволюционные названия: площадь Борьбы (Александровская пл.), Коммунистическая улица (Алексеевская), Красноармейская (Большая Андроновка), Красногвардейская (Малая Андроновка), улица Баррикад (Кудринская), Международная (Носовиха), Марксистская (Пустая), Интернациональная (Таганская) и другие; названия в честь революционных деятелей прошлого: улица Спартака (Елоховская) (правда, некоторое время спустя последовало разъяснение, что улица названа не в честь предводителя восстания рабов и героя популярнейшего в дореволюционной России романа Джованьоли, а в честь немецкой коммунистической организации «Спартак»), Баумана (Большая Немецкая), Кропоткина (Пречистенка), Бебеля 1-я и 2-я (Церковные), Станкевича (Чернышевский пер.), Радищева (Верхняя и Нижняя Болвановки), площадь Карла Либкнехта (Серпуховская).

Из деятелей Октябрьской революции на карте Москвы осталось лишь четыре имени: в честь Свердлова – площадь Свердлова (Театральная); в честь Ленина переименован ряд улиц: Старая Башиловка – Ленинская улица, Воронья – Тульская (по другому псевдониму Ленина), Николо-Ямская – Ульяновская, Рогожская застава – Застава Ильича, Симоновская площадь – Ленинская площадь; в честь Троцкого – две улицы: Троцкая и Малая Троцкая (в Зыкове); и четвертое имя – «любимец партии» Н.И. Бухарин: в Бухаринскую улицу была переименована Золоторожская улица.

Затем началось плановое переименование. Год спустя, 7 июня 1922 года, Моссовет утвердил переименование 477 улиц, затем их число пополнялось ежегодно. В 1939 году своеобразный итог деятельности Моссовета по переименованию улиц подвел «Указатель к плану г. Москвы», изданный Отделом городских земель Московского Совета. Основную часть «Указателя», естественно, составляет список «Улицы, переулки, площади и проезды г. Москвы», он занимает 31 страницу, затем идет «Список переименованных улиц г. Москвы» (в общий список эти улицы также включены), и его объем – 22 страницы. Нетрудно подсчитать, какая часть московских исторических названий пропала с карты города.

К этому времени значительно пополнилось количество улиц, названных именами революционных и советских деятелей: улица Атарбекова, Бабаевская, Верземнека, Войкова, Володарского, Ворошилова, Карла Маркса, Фридриха Энгельса (а также общей улицей – Маркса и Энгельса), Обуха, Серафимовича, Герцена, Огарева, Чапаева, Русакова, Хромова, Степана Разина, Сайкина, Фрунзе, Маленкова, Куйбышева, Мрузова, Дубинина, Хрусталева, Дзержинского, Н. Островского, Нариманова, Шелгунова, Кирова, Фурманова, Павлика Морозова, Воровского, Абельмана, Жевлюкова, Капранова, Замоленова, Горького (набережная, улица, площадь), Халтурина, Скворцова-Степанова, Люсиновой, Шмидта, Померанцева, Стопани, Аристархова, Владимирова...

Появились также новые производственные названия: Автозаводская, Шарикоподшипниковская, Наркомхоза тупик, Машиностроения, Моснефтекип, Газгольдерная, Газовская и другие.

Каждое время оставляет свой след в топонимике города, это – памятки истории, и двадцатые-тридцатые годы – тоже наша история, ни из нашей жизни, ни из памяти ее не выкинешь. Было в той жизни светлое – это мечта о прекрасном будущем, которое, как казалось, уже прорастало в настоящем – новыми заводами, школами, библиотеками, детскими

садами, достижениями ученых, спортсменов, летчиков, массовыми, красочными, шумными, с бодрыми песнями, с тысячами флагов демонстрациями, подчеркнуто аскетической одеждой вождей, говорящих народу, что они сделают его счастливым, только пусть он беззаветно идет за ними туда, куда они ведут. Ради осуществления мечты человек может вынести очень много, почти любые трудности и лишения воспринимаются не как несчастья, а как славный героический путь к цели. Отразилась эта мечта и в тогдашних переименованиях: шоссе Энтузиастов, улицы Рабочая, Школьная, Библиотечная, Бодрая, Индустриальная, Вольная, Правды, Метростроевская, переулки Рабфаковский, Бунтарский, Танковый...

Новое использование уличных названий

На государственной практике переименование улиц советскими властями превратилось не столько в способ упорядочения городской топонимической системы, сколько в средство государственной пропаганды, которой в сознание населения внедрялись основные положения и идеалы советской революционной идеологии. Но затем коммунистическое руководство открыло, что топоним можно использовать еще в одном качестве: как награду, знак отличия для лиц, имеющих перед властью особые заслуги.

Практика давать улицам имена «заслуженных» и «выдающихся» уже в первые послереволюционные годы содержала в себе отраву начальственной благосклонности, признания, отличия; руководство партии и правительства все более и более превращало топонимику в своеобразный вид награды, к тому же не стоившей ему ничего, а потому щедро раздававшейся. В обществе, особенно среди разных «деятелей», жаждущих лавров и известности, эта идея получила распространение, и появились личности, желающие во что бы то ни стало «получить свою улицу».

В 1921 году поэты-имажинисты именно этим способом – наименованием своими именами улиц – решили добиться поэтической славы, но при этом прибегли к обману, так как законным способом получить свои улицы они не имели надежды.

Вадим Шершеневич объясняет, почему они пошли на этот шаг. Его логика такова: в каждом городе существует Пушкинская или Гоголевская улицы, но нет Есенинской или Мариенгофа. Слава и талант последних не уступают первым, но их не знают. «Почему? – задает он вопрос и с твердой уверенностью отвечает: – Потому что таковых улиц нет в столице, в Москве».

Имажинисты заказали в мастерской эмалированные дощечки с надписями: «Улица Есенина», «Улица Кусикова», «Улица Мариенгофа», «Улица Шершеневича». «На вопрос продавца: «Кто эти люди и почему в их честь переименовываются улицы?» – вспоминает Шершеневич, – мы отвечали, удовлетворяя любопытство: «Это красные партизаны, освободившие Сибирь от Колчака».

Затем распределили улицы. «Мы вышли вшестером на улицу (это из воспоминаний М.Д. Ройзмана), моросил осенний дождь, было темно. На Большой Дмитровке приставили легкую лестницу к стене дома, сорвали дощечку с наименованием улицы, и она стала называться улицей имажиниста Кусикова. На Петровке со здания Большого театра Мариенгоф снял дощечку и прибил другую: «Улица имажиниста Мариенгофа». Вскоре Мясницкая сделалась улицей имажиниста Н. Эрдмана, Кузнецкий мост – Есенинским (тут ошибка памяти автора: Есенинской улицей была названа Тверская. – 5.М.), а Большая Никитская – улицей имажиниста Шершеневича».

После развески табличек с их именами имажинисты ожидали шума, разговоров, скандала, но, к их удивлению, ничего этого не последовало.

Кусиков специально нанимал извозчика: «На Кусиковскую!» Тот говорил, что нет в Москве такой улицы. «Бывшая Большая Дмитровка, – пояснял поэт и, подъехав к углу, где висела табличка, показывал на нее: Есть Кусиковская, а Дмитровки нет». «Это нам все равно», – отвечал извозчик. Таблички провисели несколько дней, затем их тихо сняли, квалифицировав как хулиганство. Но из всего этого эпизода имажинисты поняли, что название улицы, даже центральной, твоим именем славы тебе не принесет и известности не прибавит.

Лишь немногие из тех, кого руководство страны чествовало переименованием улицы или города, понимая двусмысленность и аморальность подобного акта, решились попробовать отказаться от этой чести. В 1925 году М.И. Калинин на собрании жителей Кимрского уезда, намеревавшихся переименовать город и уезд в его честь, сказал: «Я считаю, что совершенно

излишне переименовывать уезд моим именем... Я считаю, старые названия надо сохранять... Кимры – название очень интересное, по-моему, его надо беречь... Поэтому я решительно возражаю. Это нецелесообразно практически и, наконец, это доказывает нашу спешку, наше неуважение до известной степени к прошлому. Конечно, мы боремся с прошлым, строим новое – это верно, но все, что ценного в прошлом, – мы должны брать. Вот, когда мы умрем и пройдет лет пятьдесят после нашей смерти, и наши потомки найдут, что мы совершили что-то заслуживающее внимания, тогда они смогут вынести решение, а мы еще молоды, мы, товарищи, не можем себя оценивать. Слишком самоуверенно думать, что мы заслуживаем переименования места нашим именем».

В 1932 году в СССР широко отмечался юбилей 40-летия литературной деятельности Горького. Сталин заранее сообщил ему, что город Нижний Новгород будет переименован в Горький. Писатель просил не делать этого. На что Сталин развел руками, сказав: «Алексей Максимович, дорогой! Ну, конечно, мнение руководителей нашей страны кое-что значит. Но главное все же – воля народных масс!» Несколько дней спустя в газетах появилось письмо сормовского рабочего Овсянникова с предложением о переименовании Нижнего Новгорода в Горький, за ним пошли аналогичные письма трудящихся. Протесты Горького, конечно, ни одна газета не напечатала бы, но он поступил по-иному. Он не реагировал на факт переименования, и даже в письме землякам, поблагодарив за присланное поздравление с юбилеем, он не поблагодарил их за переименование города в его честь.

А.М. Горький также был недоволен, что его имя использовали для переименования Тверской улицы.

...Между прочим, давая в награду улицу, правительство поступало с этой наградой точно так же, как в феодальные времена московские цари поступали с пожалованными поместьями, то есть когда благоволили – жаловали, когда гневались – отбирали. «Наградные» названия улиц тоже отбирались: так в свое время пропали с плана Москвы улицы Бухарина, Троцкого, Блюхера.

Но главным в политике наименования улиц для правительства было все-таки не удовлетворение тщеславия соратников, а то, что переименованием улиц режим добивался широкого пропагандистского эффекта: ведь эта награда всегда находилась в поле зрения, демонстрируя признательность и благодарность партии и правительства к «лучшим», «достойным» людям страны и в то же время внушая, кто же персонально является «лучшим» и «достойным», чему очень многие верили.

Сейчас мы уже знаем, что большинство удостоенных при жизни или после смерти «увековечиванием» улицами партийных и иных советских деятелей в действительности оказалось отнюдь не такими, какими их изображала пропаганда, и названные их именами улицы снова переименованы. Но сама идея о названии улицы как награде нанесла повсюду топонимике огромный вред, впрочем, так же, как и народной нравственности.

Появление некролога в «Правде» почти механически влекло за собой переименование улицы, в комиссию Моссовета по наименованию улиц «сверху» поступало распоряжение: «Подыщите для имярек улицу, но чтобы была достойная». По этому поводу возникла горькая шутка: «Москва мало-помалу превращается в филиал Новодевичьего кладбища».

Среди начальства и в обществе упорно держится убеждение, что акт наименования улицы чьим-либо именем служит его увековечению. Наивное заблуждение! Кто знает Хухрикова, хотя его имя «увековечено» в названии московской улицы двести лет назад? Или чем славна Лаврушина, ведь ее имя «увековечено» уже три столетия? Во всем мире Лаврушинский переулок славен тем, что в нем находится Третьяковская галерея, но славы купеческой вдове Лаврушиной он не принес. Гвоздев, Гришин, Головачев, Константин Царев, Лапин, Трофимов – наши современники, их именами тоже названы улицы, но это не прибавило им известности. Из этого следует вывод: если ставится задача «увековечить» память о человеке названием улицы, то

для успеха этой акции необходимо, чтобы его имя уже имело бы до превращения в топоним широкую известность.

Кроме того, необходимо подумать и о таком нравственном аспекте: если улица, на которой жил человек, названа его именем, то получается, что все остальные обитатели этой улицы, когда-либо жившие на ней, как бы недостойны этого отличия, вроде бы они ниже сортом.

Так, в 1962 году старинный Брюсов переулок, называвшийся так с середины XVIII века, был переименован в улицу Неждановой в честь народной артистки СССР А.В. Неждановой (1873—1950). А между тем среди живших в разное время в этом переулке людей немало достойных имен: драматург А.В. Сухово-Кобылин, писатель В.А. Гиляровский, поэт С.А. Есенин, скульптор И.Д. Шадр, архитектор И.И. Рерберг (строитель Киевского вокзала, Центрального телеграфа и многих других зданий в Москве), известные артисты московских театров: А.С. Пирогов, И.С. Козловский, Н.А. Обухова, О.В. Лепешинская, В.И. Качалов, И.М. Москвин, Е.В. Гельцер, В.Э. Мейерхольд, А.П. Кторов, композиторы Д.Б. Кабалевский, Д.Д. Шостакович, А.И. Хачатурян. Замечательные люди, блестящие имена, многим из них установлены на домах мемориальные доски – и все эти люди жили в Брюсовом переулке, а не на улице Неждановой (как, впрочем, и она сама), и вот – противопоставили ее всем остальным, не очень-то ладно получилось.

Еще более безнравственной представляется ситуация, когда речь идет об участниках Великой Отечественной войны.

С каждой улицы москвичи сотнями уходили на фронт, многие из них погибли, героически защищая Москву, и, как поется в песне:

И помнит мир спасенный,
Мир вечный, мир живой,
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой.

Поэтому, с моральной точки зрения, несправедливо называть старую московскую улицу именем какого-то одного из участников войны, даже если он маршал. Мемориальная доска предпочтительней переименования улицы.

Времена новые, дела старые. В предвоенные годы массовые переименования старых московских улиц прекратились, переименовывали их лишь по случаю смерти какого-либо деятеля для «увековечения» его памяти. Так продолжалось до хрущевской «оттепели».

Наступила «оттепель», прошумела кампания борьбы против культа личности Сталина, а отношение московских властей к топонимике осталось прежним: заменили несколько названий с именами очередных проштрафившихся партийных деятелей, вроде В.М. Молотова, и в 1962 году на исторические московские названия началось новое идеологическое наступление. Председатель Моссовета Промыслов предложил комиссии по наименованию улиц заняться сплошной заменой тех названий, которые происходят от фамилий домовладельцев, а также церковных названий. Понятно, что распоряжение шло от Хрущева, развязавшего кампанию по сносу церквей.

Тогдашний секретарь исполкома Моссовета и по должности председатель комиссии по наименованию улиц (совмещение этих должностей соблюдалось до конца 80-х годов) А.М. Пегов дал интервью «Московской правде» по этому вопросу. «Комиссия намерена добиться, – заявил он, – переименования улиц с явно устаревшими, неблагозвучными названиями. Таковы Вознесенский и Николоворобьинский переулки, напоминающие о церквах, Усачевская улица, названная именем фабриканта, Могильцевский переулок, Таракановская улица, Шелапутинский и Зачатьевский переулки». Пегов привел лишь несколько названий, и не самых главных,

искоренению должны были быть подвергнуты около 500 старомосковских названий, и среди них такие, как Петровка и Сретенка, получившие свои названия от монастырей.

Моссоветовская комиссия, давно уже укрощенная и сломленная, послушно принялась составлять списки и вносить предложения по замене названий. Начались переименования: 1-й Зачатьевский переулок стал улицей Дмитриевского, Гагаринский переулок – улицей Рылеева, Домниковка – улицей Маши Порываевой...

Но времена действительно изменились, советские граждане робко, но все-таки уже начинали высказывать собственное мнение, кое в чем не совпадавшее с мнением начальства. У многих москвичей новая волна переименований вызвала возмущение, они писали письма в газеты, в Моссовет. Организацию общественного мнения взял на себя А.Ф. Родин – известный педагог, краевед, просветитель, бывший земец. 20 ноября 1962 года он выступил в Географическом обществе с программным докладом «О наименовании улиц Москвы». Доклад был резкий, конкретный и рискованным, поскольку докладчик и слушатели знали, что переименования, осуществляемые Моссоветом, производятся по прямому указанию главы партии и правительства. В архиве А.Ф. Родина сохранился текст этого выступления.

«Нас сейчас вынуждают ставить в Географическом обществе, – говорил А.Ф. Родин, – вопрос о наименовании улиц в столице и переименовании их с организационной стороны и со стороны содержания названий.

Нас как граждан Москвы беспокоит случайность, бессистемность, бесперспективность, иногда даже неграмотность со стороны тех органов, которые вновь наименовывают и переименовывают старые названия улиц.

Мы полагаем, что ставить этот вопрос – наша обязанность: прошли те времена культа личности, когда ставить такие вопросы гражданам и не полагалось: есть, мол, органы власти, и за пределами их не должно быть места развязыванию инициативы масс.

Восстановление ленинских норм общественной жизни, развитие советской демократии, провозглашенные партией, начиная с XX съезда КПСС, обязывают нас организованно заявить о тех ненормальностях, которые наблюдаются сейчас в Москве, в столице нашей страны».

Далее А.Ф. Родин формулирует принципы, по которым должно идти наименование и переименование улиц.

Сначала следуют общие принципы: «Название каждой улицы Москвы, где сочетаются и современность, и древность, является (вернее, должно быть) черточкой к биографии великого города. Эта идея – связь названия каждой улицы с признаками города, его прошлой историей, его современностью – должна лежать в основе нашего подхода при решении поставленного вопроса.

В интересах населения названия должны быть устойчивыми, не носить временного характера и не переименовываться при первом же случае.

Названия улиц должны быть индивидуальны, неповторимы. Не допускаются не только одинаковые, но и близкие по звучанию названия: например, Дмитриевский пер. (в районе Остоженки, новое название), Дмитровский пер. (в районе Петровки), Дмитровский проезд (в районе Дмитровского шоссе)».

Собственно говоря, эти три пункта составляют суть топонимического названия, показывая, что идеологическая сторона в нем является привнесенным элементом. К сожалению, эти три принципа до сих пор остаются непонятыми городскими властями и нарушаются до сих пор.

Доклад Родина и обсуждение его имели своим результатом то, что от имени Московского отделения Географического общества было отправлено А.М. Пегову письмо с просьбой и предложением вернуть некоторые старые названия: Старая Басманная, Земляной вал, Остоженка, Поварская, Садовническая, Театральная площадь. Письмо осталось без ответа.

Между тем, чтобы приостановить процесс переименования, А.Ф. Родин предложил «установить список московских улиц с названиями, подлежащими государственной охране

(«заповедных») как культурно-исторические памятники Москвы и не подлежащими в дальнейшем переименованию, причем предполагается утверждение списка в том же порядке, в каком советское правительство утверждает принятие на охрану памятников истории, культуры, искусства, народного быта» (доклад в Географическом обществе 13 мая 1963 г.).

Эти выписки из неопубликованных выступлений А.Ф. Родина, их положения и принципы, кроме того, что они имеют исторический интерес, представляют ценность для современности и остаются актуальными до сих пор.

Бурные заседания 1962—1963 годов в топонимической комиссии Географического общества всколыхнули общественность. Тема московских названий проникает в печать. «Литературная газета» в номере от 26 октября 1965 года поместила статью В. Бушина «Кому мешал Теплый переулок?», в которой автор выступал за сохранение исторических названий и возвращение их переименованным городам и улицам. Полемика с ним пошла по формуле «сам дурак». Среди ответов, прочитанных ему защитниками советских идейных названий, самая остроумная (в «Московской правде») звучала так: «Кому мешал Теплый переулок, спрашиваете вы, тов. Бушин? А кому мешает Люсиновская улица? Кому помешала улица Тимура Фрунзе?» Полемика, вызванная статьей В. Бушина, отшумела и затихла, но проблема осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.